

ЧЕЛОВЕК И МИР

В.И. Самохвалова

«ЧЕЛОВЕК РАЗУМНЫЙ» В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ: О ХАРАКТЕРЕ ЕГО РАЦИОНАЛЬНОСТИ, ОБЯЗАТЕЛЬСТВАХ ЕГО МЫСЛИ И ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЕГО НАУКИ

Статья посвящена рассмотрению исторического развития рациональности, современного состояния социокультурного контекста и возникновения опасной перспективы отказа от рациональности как необходимого человеческого качества.

Ключевые слова: человек; разумность как человеческое качество; перспектива отказа от рациональности.

The article is devoted to consideration of historical development of rationality, a current state of a sociocultural context and a dangerous prospect of refusal of rationality as necessary human quality.

Keywords: human; rationality as human quality; prospects of refusal of rationality.

В настоящей статье автором ставится вопрос о характере, состоянии, особенностях, специфических исторических формах проявления того развивающегося качества (способности, свойства) человека, которое определило его имя и статус в названии «*Homo Sapiens*». Сам контекст, в котором живет современный человек, настолько сложен и противоречив, отмечен разнонаправленными течениями и тенденциями, что порождает вопрос о том, что же происходит в последнее время с самой разумностью человека – этим его главным видовым признаком и отличием, характеристической и своего рода местом и обязанностью в мире. Ведь именно разумность – в полноте ее понимания – позволяет осознать, оценить

и привести к согласию разнонаправленные устремления и противоречивые тенденции реальной жизни, установить необходимое равновесие во взаимодействиях с миром.

Одновременность существования нескольких различных моделей понимания и описания мира, наличие как бы взаимоисключающих парадигм в науке и явлений в культуре, пересмотр казавшихся прежде незыблемыми ценностей и представлений, избирательная трансформация традиционных устоев жизни – все это есть «пространство» и свидетельство возможности разнообразия в реализации того качества человеческого мышления о мире и того характера самих мыслительных операций, которые осуществляет человек, познающий мир и все более активно действующий в нем. И одновременно – сфера приложения отличающего человека свойства разумности¹, которое оберегает его от поспешных выводов, неоправданных ожиданий, непродуманных решений, некритичного смешения возможности и необходимости, беспочвенных иллюзий и неоправданных разочарований и т.д.

При этом свойство разумности, помогающее человеку познавать мир, делать обобщения, создавать теории, содержит в себе некий творческий импульс², движущий человеком, и это качество, включающее в себя своего рода теоретизацию поведения, творческое претворение разумности, опирающееся на особую подвижность психики, позволяющее реализоваться ей в сложном пространстве мышления о мире, определяется как человеческая *рациональность*. То есть *высшая* организация разумности, опирающейся на умную память, позволяющую самоопределиться в сложном пространстве организованного мышления о мире, жизни, себе. Развитая рациональность не только предполагает определенный уровень психоментального развития личности, но и содержит развитое социальное сознание. При различии понимания рациональности, а также наличии разных ее определений, данных разными мыслите-

¹ Однако даже в этом пункте, как оказалось в свое время, нет единого мнения. Разумность не есть исключительное свойство одного лишь человека, считает, например, Л.И. Зальцман (см. Зальцман, 2001, с. 186–190). Однако варианты ответа на данный вопрос зависят именно от того, как (на каком уровне) понимать разумность – как адекватность спонтанной реакции на ситуацию или способность рационального восприятия ее.

² Или, согласно Г. Башляру, «рационалистический тонус» (Башляр, 1987, с. 295).

лями в разных научных традициях и парадигмах, выделении исследователями разных ее типов и т.д., можно сказать, что рациональность человека представляет собой сложный инструмент в системе, где «на выходе» мы видим четко организованную и структурированную мысль, результирующую и оформляющую сложную работу всего комплекса широко понимаемых познавательных возможностей человека, его способностей восприятия и суждения. Обычно в определениях рациональности содержатся и формулировки различных норм, стандартов, правил, прилагаемых к определению и оценке деятельности разума, а также методов и установок, применяемых при выработке тех или иных парадигм тем или иным научным сообществом.

Если бы человек не обладал возможностью¹ и способностью к познанию мира, он не смог бы выжить в мире, выстроить и схранить свое человеческое бытие, создав (при этом и для этого) человеческую культуру. И именно разум стал его особым отличительным свойством и характеристикой само \square й его природы. Таким образом, разумность, рациональность выступают антропологической характеристикой известного нам вида человека, и от того, как мы понимаем и оцениваем его рациональность, лежащую в основе всех форм его психоментального проявления, зависит понимание его деятельности, его предназначения в мире, оценка состояния, содержания и направления развития культуры, науки, общества в целом. И именно в науке, мотивах, методах и целях ее развития отчетливее всего проявляется качество самой разумности человека, понимаемой в целостности ее когнитивно-психологических характеристик, используемых методов и самих результатов деятельности, которая объединяет разноуровневые и разносторонние потребности и реализует их в особой области познавательной деятельности, получившей название науки, которая родилась и сформировалась в виде специальной сферы приложения и выражения ищущего человеческого ума, став впоследствии одной из важнейших сфер его деятельности. Именно в науке рациональность наиболее очевидным и показательным образом про-

¹ В какой бы форме ее ни истолковывать – как данную (Богом), или заложенную (неведомыми силами или воздействиями Космоса), или случайно развившуюся (усилиями самого человека) на основе соответствующего материального (особенности мозгового) субстрата и требований самой жизни.

является, развивается и совершенствуется как целостная характеристика мышления человека, как основной канал и инструмент всестороннего¹ человеческого познания мира. При этом, однако, возможна и определенная абсолютизация разумности, сопровождаемая недоучетом иррациональных составляющих мышления, что ведет к определенной идеализации в построении картины мира, к вероятности появления в ней целеориентированных или ценностноориентированных акцентов.

И когда познавательно-творческая деятельность человека получает эту институционализацию в виде науки, а сделанные им открытия становятся основой научных теорий, ложащихся в основу определяющих картину мира научных парадигм, проблема отношения между человеком и его знанием переходит в иную плоскость. Наука становится общественным институтом, удовлетворяющим необходимую общественную потребность, и открытия разума, которые – в своих следствиях или практических приложениях – могут содержать опасные для общества знания, к которым человек по той или иной причине не готов, входят в «общественный оборот» и начинают свою жизнь не только в умах отдельных людей, но и в деятельности общественных институтов. Человечество может быть умственно, психологически или нравственно не готово к применению того или иного знания, если наука уже умеет открыть, но еще не умеет предвидеть последствий того или иного открытия или же нейтрализовать его возможное вредное воздействие либо не умеет встроить это знание в общественную практику без нарушения этических норм или представлений о добре и зле. К настоящему времени известно уже не только из фантастики или утопий, что научные достижения вполне могут быть использованы не только отдельными людьми, но и целыми социальными группами во всякого рода корыстных или каких-либо иных неблаговидных целях.

Таким образом, общество должно участвовать в создании необходимых механизмов реализации ответственности науки, которая с неизбежностью будет все глубже вторгаться в тайны при-

¹ Наука интересна еще и тем, что являет собою особый случай особого же характера *творческого* проявления человеком многогранности своих способностей; научное творчество свойственно только человеку и не имеет никаких аналогий или подобий в иных сферах жизни или техники.

роды и человека; может даже сложиться ситуация, когда противоречия между содержанием открытия и ответственностью за него и его последствия могут стать весьма острыми, особенно если открытия оказываются несовместимы с сохранением человека как вида, сохранением его человеческой идентичности, сохранением жизни человечества на Земле. При этом проблема ответственности не является каким-то внешним по отношению к ней требованием. Ведь в культуре в целом существует целый сложный комплекс условностей и ограничений, соблюдение которых является обязательным для человека, живущего в социуме, и свидетельствует об укорененности его в культуре и добровольном желании быть и считаться именно человеком. В этом случае предполагается, что ментальность человека в достаточной степени развита, чтобы он умел соотносить образы мира и себя.

В самом деле, общество не может и не должно забывать, что наука – не досужее упражнение чьего-то любопытствующего ума, а творческая в своей основе деятельность, необходимая не только для *освоения мира*, но и для возможности *развития человека*, и потому общество, в свою очередь, должно формировать определенные условия, институты и т.п., способствующие успешному осуществлению этой жизненно важной для него деятельности. Таким образом, говоря о науке, говорят как о внутренних условиях формирования науки, о развитии рациональности, так и о внешнем контексте развития, т.е. социокультурной стратегии и ценностных приоритетах общества. И когда ставят под сомнение достоинства рационалистической парадигмы и под вопрос необходимость существования самой рациональности, то тем самым решают этот вопрос в пользу иррациональности, алогичности, неверифицируемости знания, хаотизации практики.

Итак, рациональность – это и качество, и способность, и средство, и характеристика как мышления человека, так и его самого. Все формы психоментальной деятельности человека – и внешне-предметные, и внутренне-предметные – строятся на рациональности прямо или опосредованно. В то же время при всей значимости рациональности она – «всего лишь» один из инструментов познания мира, но именно благодаря ему осознаются, формируются и оформляются – в качестве человеческих – все другие. Так, эмоциональность, нерациональность, иррациональность, внерациональность – в условиях уже сформированной рациональности – приобретают дру-

гие, человеческие формы проявления, т.е. становятся иными в содержательно-смысловом и структурно-познавательном отношении. Без «перевода» на рациональность все многоцветие и разнообразие бытия оказывается непроницаемым: невыразимым и, главное, не передаваемым, несобщаемым. Рациональность – это своего рода особое «слово» человека, с которым тот обращается в мир и с помощью которого вступает с миром в диалог, ибо и миру в целом оказывается нужен человек, чтобы через него проявить и утвердить свои законы и принципы бытия. И это – своего рода «всеобщий эквивалент» при обмене, т.е. при всех видах человеческой коммуникации – от диалога с другим человеком до диалога с миром. При этом человек «включает» свою рациональность по собственному желанию, произвольно, следуя мотивам, прямо не связанным с жизненной необходимостью, в самостоятельно и свободно избранном им направлении.

Ментальный процесс самосознания, при котором, согласно И. Канту, разум организует не поступающий чувственный материал, а собственные впечатления, переживания и т.д., полученные от общения с этим чувственным материалом, есть необходимый процесс организации самого себя, своей способности восприятия и суждения, разворачивающейся как построение и взаимодействие образов мира, себя (самообраза) и т.д. Иными словами, человек выстраивает особую идеальную реальность, корреспондирующую с окружающей реальностью. Рациональность – всеобщий (для всех представителей Хомо Сapiens) когнитивный эквивалент, на основе которого осознаются, расшифровываются и истолковываются все другие возможные средства и способы проявления человека и результаты его познавательной деятельности. Вне необходимой рациональности они, в своем содержании и специфике, не могут быть необходимым образом оформлены и коммуницируемы и тем самым, следовательно, не получают надлежащего *общественного* и *общественно значимого* бытия.

И если прежде (в течение нескольких столетий) под рационализмом понимали, как правило, философию с характерной для нее тенденцией объяснять мир и человека из чистого, т.е. логического разума, то ныне этот термин используют расширительно, именуя рационализмом целостную научно-методологическую *традицию*, включающую в себя различные по времени исторические формы рационалистического миропонимания и истолкования – позити-

визм, неопозитивизм, логический позитивизм, постпозитивизм, сциентизм, т.е. всю совокупность направлений, объединенных определенным сходством (но не одинакостью) способа и метода понимания и описания мира. Можно, как уже говорилось, выделить более десятка разных значений слова «рациональность» и тем самым определить различие *смыслов* производного от него слова «рационализм». Поэтому существуют и разные типы рациональности, и разные формы рационализма, объединяющие собой различные сообщества ученых...

В свое время мыслительное *отделение* человека от мира – произведенное французским философом Р. Декартом¹ в целях обозначения особого статуса человека как мыслящего *субъекта*, имеющего столь же особое предназначение в мире и потому обладающего познавательной свободой относительно остального мира как *объекта*, – потребовало определиться с проблемой рационализации как адекватного приема и как разумно обоснованной и организованной деятельности. Однако само это разделение мира на действующего субъекта-человека и пассивный объект-мир, довольно активно осмысливаемое в последующие века, было впоследствии абсолютизировано и превращено в жесткую оппозицию, как бы закрепившую онтологическое противостояние ее членов. Декарт своим стремлением определить рациональность как способность привести прежде нерационализируемое к рациональным формам – что позволяло объяснить мир, поняв его с точки зрения науки, в отличие от ненаучных форм его познания, – хотел тем самым как бы приблизить человека к Богу, субстанции бесконечно-вечной, в отличие от пассивной смертной природы, которую активный человек имел право подчинить своему разуму и воле. Этот его введенный для удобства познания мыслительный прием также впоследствии был гипертрофирован, и лишенная какой-либо активной субъективности природа оказалась подчинена механическим законам. Да и сам Декарт неоднократно в той или иной форме отмечал, что как солнцу все равно, что освещают его лучи, так и разуму – обращаться ко всем сферам и предметам бытия (Декарт, 1989, с. 78). Вспомним также, что еще со времен Сократа, считавшего само изучение природы делом недостойным, в западной

¹ Р. Декарт, деятельность которого относится к первой половине XVII в., считается, как известно, родоначальником новоевропейского рационализма.

культуре – впитавшей в себя впоследствии и христианские взгляды на природное как основу греховного – существовало некоторое пренебрежительное отношение к природе как лишенной духовности; постепенно это превратится в чувство отчужденности человека от мира, породив в том числе и проблемы экологического порядка.

Действительно, рациональный стиль мышления считается преимущественно европейским, характерным для западной ментальности и вообще западной культуры. Восток не знает оппозиций «объект – субъект», «природа – дух», для него истина не является чем-то постоянным, застывшим, она видится ему как подвижная сложная мозаика *текущих связей* и отношений, составляющих предмет на *данный момент*. Личность как таковая не существует отдельно от мира, но растворена в нем и познает мир изнутри, неискажая знания отсубъектными реакциями и переживаниями. Внешнему европейскому типу мышления, обращенному на мир и реализуемому в терминах и схемах логики, Восток противопоставляет внутренний тип мышления, когда мир познается из внутренних интенций, из интуиций, рождающихся при слиянии сознания с миром.

В Европе рационалистическая традиция с ее представлением о том, что подлинно научным мировоззрением может быть только рационалистическое, а достоверно научным – только знание, которое может быть подтверждено, проверено в воспроизведимом опыте, была продолжена в эпоху Просвещения (Д. Юм, И. Кант, Г.В.Ф. Гегель и другие). Успехи науки и утверждение в ней материалистических взглядов подкрепили подобные установки, и в результате сформировалось позитивистское мировоззрение, сложившееся и оформленное в начале XIX в. и окончательно укрепившееся к его концу и началу XX в. Развитие наук, достижения научно-технического прогресса укрепили позиции рационализма и логицизма, не оставляя места для идеалистических представлений прошлых веков и утверждая позитивизм в науке и философии. Методологической базой наук, развивающихся в русле позитивистской парадигмы, становится сциентизм. Абсолютизируя социальную и мировоззренческую роль научно-технического знания, сциентизм переносит методы точных и естественных наук, которые считает универсальными, на все остальные науки и на философию. С позиций сциентизма всякая деятельность есть *прежде всего* деятельность в той или иной мере познавательная – будь то философия, искусство

или управление обществом. Как в той или иной форме, но неизменно отмечалось (и в определенном смысле отмечается по-прежнему) философами самых разных направлений, все, что появляется в мире, наука незамедлительно стремится превратить в свой предмет (разный и по-разному). В конечном счете случается, что интересы науки порой начинают вступать в противоречие с традиционными гуманистическими ценностями, поскольку наука не подчиняется заповедям добра и зла и ее нельзя считать ответственной за последствия ее собственных выводов и открытый.

Идеология рационализма с ее тенденцией объяснять мир и человека из чистого, т.е. логического разума, от философии XVII в. распространяясь и на XX в., образовала целостную рационалистическую традицию, объединяющую различные исторические формы рационалистического миропонимания и истолкования – позитивизм, неопозитивизм, логический позитивизм, постпозитивизм, сциентизм, – поскольку все эти направления объединены способом и методом понимания и описания мира. Несмотря на высшие оценки разума и рациональности, сам этот способ объяснения мира был в основном мотивирован лишь задачей познания мира в целях подчинения его воле и интересам человека. Этот прагматистский подход к пониманию отношений между человеком и миром породил и господствующее однолинейное и количественное понимание прогресса, благодаря чему человек и в *практической* сфере закрепил то мыслительно-психологическое противостояние миру, которое первоначально было *теоретической* формулировкой само \square й возможности процедуры познания. Опыт и эксперимент, пришедшие в науку более поздних веков, расширили пространство и возможности освоения мира, в то же время абсолютизация разума означала и абсолютизацию науки в качестве единственно возможного – в своей достоверности – способа познания мира.

Постепенно обнаруживавшаяся недостаточность рационализма в постижении и объяснении мира, который в своем развитии и своей возрастающей сложности оказался не охватываем лишь логикой и расчетом, стала проявлять себя уже на фоне постепенного оскудения чувственной сферы; сциентизм, на котором строилась научная картина мира, полностью «освободился» от метафизики; самодовольное и ограниченное позитивистское мировидение было абсолютно равнодушно к индивидуальному человеческому существованию. Отчетливые симптомы дегуманизации стали видны

во всей метакультуре, порожденной многоголиким позитивизмом. В созданной наукой картине мира человек окончательно закрепился в качестве своего рода механизма среди прочих механизмов, что привело к «рациональному упрощению» всей системы взглядов на самого человека и его мир, явившись объектом критики со стороны таких разных философов, как Н. Бердяев и М. Вебер, О. Шпенглер и Т. Адорно, а также и многих других. Естественно-научный догматизм, которого не мог отрицать и известный французский ученый-рационалист Г. Башляр (Башляр, 1993, с. 98), оказывался и субъективной, и объективной помехой для дальнейшего проникновения мысли в глубину познания мира. Необоснованные претензии разума привели к тому, что, как отмечал Г.П. Федотов, слово «рационализм» стало одним из самых употребительных бранных слов современности (Судзуки, 1990, с. 37). В свою очередь, О. Конт, Г. Спенсер, Дж.Ст. Милль и многие другие мыслители надеялись, что развитие наук сможет изменить мир, избавить общество от социальных противоречий, а умного образованного человека – от недостатков, свойственных *прежнему* человеку. Их взгляд на процесс познания как на процесс *универсальный* позднее станет основой распространения сциентистского убеждения в том, что одни и те же научные методы возможны при изучении не только природы, но и общества, а также человека. Энтузиазм ученых и философов долгое время (вторая волна позитивизма – К. Пирсон, А. Пуанкаре, А.А. Богданов) позволял видеть в науке универсальное средство переустройства жизни на лучших, разумных началах. И хотя по-прежнему утверждается, что «быть человеком означает быть рациональным» (Лири, 2002, с. 136), однако все более определяющийся сложнокомплексный характер познавательной деятельности, требования к познающему субъекту начинают приобретать разное содержание, разный смысл (третий этап позитивизма – Л. Витгенштейн, К. Гёдель, Р. Карнап).

Уже к концу XX в. стала очевидной прежняя недостаточность рационалистической парадигмы – и внутренняя, и внешняя. *Внутренняя* недостаточность выявилась, например, вследствие того что сама наука обнаружила чрезвычайно сложную и во многом необъяснимую (на современном уровне знания) мерность мира, что отнюдь не укладывалось в прежние рамки «достоверно выделенного и обозначенного» материального бытия и логики его познания. Мир обнаружился как многомерный, сложно организован-

ный, бытие которого не фиксируемо только лишь рациональным познанием; само же рациональное познание – как лишь *один из* возможных способов познания мира – не обладает ни единственностью, ни абсолютностью. Кроме того, очевидный кризис самой *прежней* идеи рациональности в *современном* сознании связан не только с «недостаточностью» его в современной ситуации расширения познания, но и с размыванием самих критерииев рациональности научного познания, с одной стороны, и одновременно с сужением определения рациональности – с другой, когда, например, противоположное начинает пониматься не как дополняющее (при определенных обстоятельствах), но только как противоречащее (отрицающее). Открывающаяся науке сложность мира, его «многогореальность» и многомодельность потребовали полипарадигмальности его понимания, открытости видения и непредвзятости изучения; интуиция, опыт мистических переживаний, сверхчувственное или внерациональное видение предстали как полноправные дополняющие способы восприятия, понимания и представления оказавшегося столь сложным мира. Терпимость же к иному необходима должна была сопровождаться четкостью понимания природой и сущностью различий в разных парадигмах...

Внешняя же – и усиливающаяся – недостаточность рационального способа познания при объяснении современного мира стала обнаруживаться в контексте (а также и в результате) практики двух главных культурных парадигм современности – массовой культуры и постмодернизма, способствующих возрастанию в сознании современного человека иррациональной составляющей. Прежний рационализм теснится не столько так называемой *новой* рациональностью, о которой заявляет постмодернизм, и не развитием и расширением самого понятия рациональности, оправданным расширением познавательной и исследовательской практик и новыми техническими возможностями, сколько уже, к сожалению, новым (пострациональным) иррационализмом. Таким образом, рациональность становится одновременно и одиозной (претенциозной), и ослабленной, что понятно в контексте как разрушения адекватного научного контекста в условиях усложняющегося мира, так и отказа от тонких практик различия, предполагаемых самой парадигмой...

Одиозность подобной рациональности обнаруживается в усиленном узко толкуемой рациональностью позитивистском од-

номерном мировосприятии, изгоняющем из видения мира всякую метафизику, отрицающем возможность всякой трансценденции, в недооценке духовной составляющей природы человека, в общем настрое, враждебном известной спонтанности творчества, которое и само в современном контексте утрачивает адекватную глубину и истинную самобытность (что составляет особый большой вопрос и тему отдельного рассмотрения). С другой стороны, слабость современной рациональности проявляется в том, что она оказывается не в силах решить те проблемы, которые сама же породила. Например, как быть с признанием истины инструментальной ценностью, которая вненравственна? Таким образом, все отчетливее ощущаемая и по-разному оцениваемая недостаточность рационализма вызвала его критику не только с позиций представителей разных видов иррационализма (что неудивительно), но и с позиций самого рационализма, в частности Т. Куна, П. Фейерабенда и других представителей постпозитивизма, считающих, что даже в науке разум не может и не должен быть всевластным и должен подчас оттесняться или устраняться в пользу других побуждений – как способ, как характеристика, как ценность. Человек, конечно, не может быть свободен, отказавшись от разума; но он и не сможет быть разумен, отказавшись от свободы. По мнению математика В. Лефевра, новое время должно бы породить и новый тип ученого, творческий дух которого в космическом веке не душили бы условности и барьеры искусственных требований¹. В самом деле, рациональность и научность, которые в прошлом веке практически совпадали, ныне, с развитием техники, отчетливо обнаруживают свою не тождественность, расходясь в определении истины, цели, метода...

Таким образом, именно разумом человека оказались порождены проблемы, которые в XXI в. стали способны поставить под вопрос и идентичность человека как вида, и существование человечества как рода? Но чем иным, если не разумом, они и должны быть решены? Однако наряду с попытками серьезного анализа назревших проблем общество столкнулось с отрицанием рациональности как таковой со стороны течения постмодернизма, представители которого критиковали и науку, и прежнюю рациональность, претендую на то, что способны предложить рациональность новую,

¹ Представляется, что данное положение В. Лефевра (Лефевр, 1996) об искусственных требованиях звучит и в настоящее время чрезвычайно актуально.

адекватную времени. Так, в частности, был подвергнут критике (М. Фуко, Ж. Делёз) схематизм устаревших и «грубых», по мнению представителей постмодернизма, бинарных оппозиций (известных еще из логики Аристотеля), с помощью которых мир опознавался в его качественной определенности: «добро – зло», «истина – ложь», «горькое – сладкое» и т.д. Выступая против неизбежного упрощения как мыслительного приема, позволяющего описать качественное многообразие мира, постмодернисты размыли сам *принцип* организации понимания и познания, известный с древности и являющийся своего рода универсальным. Так, китайская монада «кинь-ян» при всей ее внешней простоте позволяет исчерпывающим образом описывать мир и динамику его движения в изменениях и превращениях. В частности, эта простая схема позволяет определить три разных модуса понимания отношений в мире: во-первых, можно принять и то и другое одновременно, обеспечив известный плюрализм взгляда на мир; во-вторых, можно принять их единство, интегративное видение мира; в-третьих, можно выбрать лишь один из двух членов оппозиции, сделав его ведущей ценностью (во всяком случае, на время). Постмодернисты на практике выбирают четвертый вариант, размывая качественное противостояние членов оппозиции, делая целое как бы однородно-бескачественным. При этом не только утрачивается качественная определенность характеристики предмета, но и исчезает внутренняя его динамика, будучи заменена смысловой энтропией.

В постмодернизме разрушается также представление о «скучной норме», будучи заменено утверждением о естественности ее изменения, о ложности всяких представлений о норме вообще. Исчезновение всякой грани между нормой и ненормой, вплоть до открытой патологии, отчетливо прослеживается не только в их теоретических установках, но и в их художественной практике. Это в постмодернизме называется обогащением смысла. Отвергнув известную императивность культуры, они отказались и от ее необходимой упорядоченности. Возможно, когда ни у чего нет ни образа, ни формы, ни нормы, это можно принять за свободу – но либо до разоблачения пустоты, т.е. на время, либо такая подмена оказывается в целом разрушительна. Постоянная и принципиальная апелляция не к норме, но к ее изощренным искажениям при их восприятии не проясняла предмет, но заставляла сознание брести тупиковыми лабиринтами по ризомам подсознания. Фактически

постмодернизм предлагает выход из кризиса, который заводит в тупик, ибо навязываемый им тотальный отказ от всяческих оппозиций и бинарных схем, отрицание всяких дихотомий приводят к исчезновению определенности в понимании мира, т.е. к исчезновению качества понятий и вещей.

Поэтому то, что привело, например, к постмодернистской иллюзии освобождения от «устаревших» схем, было в действительности отказом от принципа разумности как такового и лишь видимостью «новой рациональности», которая, в свою очередь, стала причиной исчезновения самой определенности в понимании мира, где «подверглась» исчезновению *качественная определенность* как вещей, так и понятий. Мир утрачивает с трудом достигнутую определенность очертаний и связность, превращаясь в хаос локусов, случайно соединенных и случайно выхватываемых столь же необязательной деятельностью хаотического сознания. Лишение мира качественной определенности, лишение мышления выработанной практикой логической его связности означало исчезновение критериев для познания и оценки действительности, тем самым к релятивизации мира и утрате познанием ценностных оснований. Мир опять, хотя и по-новому, предстал как *непознаваемый*...

В результате у современного человека мы видим уже деформацию способности к выстраиванию единой и непротиворечивой картины мира и как результат – деформацию способности к выстраиванию долгосрочных перспектив собственного поведения в мире, неспособность к общему планированию своей деятельности (что мы можем наблюдать в хаотических всплесках разноправленной и неупорядоченной деятельности современного человека). В целом оказался создан как бы «оппозиционный» космос – искусственно усложненный, произвольный и бессвязный постмодернистский хаосмос. Само же сознание, погруженное в «видения» полувида-полубромока, становится повышенно внушаемым и легко управляемым.

Неоднозначное воздействие на сознание, на характер и содержание мышления оказывает ставший популярным в современной культуре способ объяснения, представления и оправдания мира в виде *мифа*. Современные социальные стратегии, поставившие себе на службу науку и искусство, с их помощью конструируют своеобразные системы упрощенных представлений об обществе, в котором все причины объясняются с помощью вульгаризированного

фрейдизма. Миф, судьба которого похожа на судьбу рационализма, – понятие весьма многозначное. Но если первоначально миф служил средством познания и (возможного) объяснения (неизвестного) возникновения мира, его устройства и действующих в нем сил, то современный миф, специально выстроенный с помощью техник прагматизма и бихевиоризма, призван прежде всего *оправдать* существующий в мире социальный порядок и создать условия для сохранения и воспроизведения этого порядка. Создавая вымышленную картину мира, выглядящую как *настоящая*, современный миф подменяет реальность, формируя нужное поведение. Таким образом, если *постмодернизм*, как говорилось, создает свой хаосмос, то современное *массовое искусство* через фабрикуемые мифы создает собственную «космогонию» и «космологию», облегчающие управление «объясненным» обществом. С этой целью возрождается и стимулируется мифологическая составляющая массового сознания.

Помимо философско-теоретических причин, определивших *ревизию* понятия рациональности в постмодернизме, существует и сложившаяся непосредственная *практика воздействия*, способствующая процессу разбалансировки сознания и актуализации в конечном счете деятельности подсознания, нарушая выработанные человеком культурные связи между рациональным и иррациональным. В этом направлении активно действует и, казалось бы, заявляющий о своей программе, противоположной постмодернизму, масскульт, на самом деле другими способами, другим комплексом провокаций действующий в *том же* направлении разбалансировки сознания, разложения логики мышления. В результате принципиально снижается культурный уровень массовой аудитории, приучаемой к упрощенным схемам вместо познания, разными способами воздействия ей навязывается новый изощренный иррационализм, к тому же отягощенный патологиями, извращенными переживаниями и т.п., но при этом часто компрометируется сама творческая свобода, в частности озарение, спонтанность¹ и т.п.,

¹ Тенденциозное извлечение из необходимого контекста восточных техник отдельных экзотических мистических терминов, неограниченность самого переноса их в принципиально иную и иначе создаваемую картину мира, на иную психо-культурную почву отнюдь не означали оживления диалога культур, но явились

под видом которых оправдываются произвол, агрессивность, отклоненное поведение вплоть до неконтролируемого. При этом сам массовый человек – это по сути человек позитивистский, характеризуя которого, И. Ильин пишет: «Главный орган его – чувственное восприятие, обработанное плоским рассудком. Духа он не ведает, над религией посмеивается, в совесть не верит... Зато верит в технику, в силу лжи и интриги...» (Ильин, 1993, с. 18). Именно подобный настрой духовно сплачивает массовых – в большинстве своем поверхностных, посредственных, самодостаточных в своей ограниченности людей. Формирование тотальной потребительской позиции и потребительской психологии определяет некоторую их агрессивность в отношении всего, что может потребовать от них усилия – мыслительного, творческого, общественного.

В самом деле, уже с начала XXI в., который еще более усилил и обострил проблемы, порожденные человеком ранее, современный человек столкнулся с вызовами (в большинстве сам же и породив их), аналогичных которым ранее не было. И оказались они порождены не экологической ситуацией и не какими-то другими последствиями недальновидной практики человека, но самим его разумом, будучи обязаны своим возникновением *способу* его функционирования. Это не означает, что разум человека стал настолько силен, но скорее говорит о том, насколько он, будучи несовершенен, может порой выступать одновременно и самоуверенно, и претенциозно, и безответственно. И здесь главная проблема – в обнаружившейся слабости и недостаточности его для адекватного решения возникающих актуальных проблем в силу укрепляющегося иррационализма, о котором можно сказать, что он может быть не только теоретическим, но и массово-бытовым. Разум – действительно только инструмент *познания*, который в равной мере может быть применен как на пользу, так и во вред человеку. В то же время разуму нельзя положить какие-либо пределы, границы в его свободно осуществляющей деятельности: познание – это фактически сложноорганизованная рациональная, имеющая безусловное, инстинктивное обоснование и адаптационный смысл деятельность человека в целях его приспособления к миру и выживания в нем. Дальнейшее развитие человека делает эту деятель-

лишь претензией на «расширение сознания» путем некритического и некомпетентного заимствования, что не могло не иметь неадекватных последствий.

ность разумной и специализированной, называя ее наукой. Однако в настоящее время сложившийся контекст оказался таковым, что неожиданно потребовалось вмешательство религии, чтобы возвратить представление о нормах и безусловных ценностях, вернув мировоззрению человека необходимое ценностное измерение...

В чем же недостаточность рациональности, какой она сформировалась на настоящий момент? Представляется, что, во-первых, в ее «горизонтальности», когда, возрастаю и усиливаясь количественно, она пренебрегла вертикалью духовности, дающей подлинное объемное измерение человеческому бытию, в результате чего рациональность оказалась отделена от духовно-нравственного содержания доминант, управляющих подлинным развитием, а не просто линейным прогрессом. И, во-вторых, в возрастающей ответственности, когда наука увлекается собственными возможностями и перестает думать о последствиях, когда она, подобно «искусству для искусства», развивается по модели когнитивной деятельности, отделенной от этики, нравственности, социальной ответственности. И если даже искусство для искусства не всегда и не совсем безразлично для общества, то развитие науки из себя и для себя может, как уже подчеркивалось, представлять опасность для самого выживания общества и здоровья человека. Человек, к сожалению, так и не научился до конца соразмерять свои силы со своими возможностями, свои дела – с их результатами и следствиями; он, как неумелый ученик чародея, вызывает силы, которыми не умеет управлять, процесс развития которых не может контролировать, результат действия которых не способен предвидеть. Вследствие подобных причин и обстоятельств сама культура в целом переживает определенный кризис, ибо скорость изменений в ней оказалась такова, что произошел резкий разрыв между прошлым и настоящим. Целостная структура распадается, ибо из нее изымаются не просто составные элементы или блоки, но целые уровни, более того, выдергиваются те скрепы, которые считаются основаниями культуры вообще и не менялись на всем протяжении ее существования. Это – признак уже общего цивилизационного кризиса, являющегося следствием того, о чём сказал Р. Генон: «Современный человек, вместо того чтобы стремиться подняться к истине, хочет ее опустить до своего уровня...» (Генон, 2004, с. 235), забывая при этом, что истина не есть продукт человеческого духа, она как таковая существует независимо от нас, и мы можем и долж-

ны ее только познавать... Относительный разум, приложимый к относительной области, делает релятивизм единственным логическим завершением рационализма (Генон, 2004, с. 224–225).

Каким же видится вектор изменения и развития человеческой разумности? И возможна ли дальнейшая эволюция самого человека – как соединяющего в себе два начала, две природы, которые должны быть уравновешены, – без учета наличия такого качества, как разумность, и качества самой его разумности? Именно разумность позволяет осознать, оценить и привести в равновесие разнонаправленные устремления, смутные побуждения и противоречивые импульсы внутренней природы человека. Человек в равной степени есть и творец культуры, развивающей духовное начало, которое облагораживает непрерывно творимый человеком продукт. Но он же есть и творец цивилизации, увеличивающей комфортность бытия, приводящей к разрастанию материального, часто за счет вытеснения духовного. Наука как преимущественная сфера рациональности, культивируемой и организованной для целей познания мира, позволила человеку добиться многих материальных успехов. В то же время абсолютизация точного, но как бы обездущенного познания привела к засилию в мировоззрении, в картине мира, в сознании жестких рациональных схем, которые как бы исключили *реального* человека из механизированного и четко функционирующего по определенным схемам мира, оставив его наедине с самим собой. Ибо государство и общество самоустранились из сферы адекватного управления наукой и образованием. Тогда как опыт новой реальности конца XX в. и уже XXI в. требует новой рациональности для выражения этого нового опыта, для его осмысления и упорядочения.

При этом средства массовой информации, кино, реклама ведут активное наступление на способность человека разумно мыслить, навязывая примитивные бихевиористские схемы поведения. Можно сказать, что современный социокультурный контекст в целом весьма мало способствует развитию разума, оказывая на него скорее деформирующее, дезинтегрирующее, дезориентирующее и в целом деструктивное воздействие. Иными словами, ныне проблема рациональности становится как никогда актуальной, выходя даже за пределы отдельных обществ (государств), встраиваемых в единую парадигму потребительства, бездуховности и некомпетентности. И эта тенденция настолько серьезна, что некоторые наиболее пессими-

стически или алармистски настроенные исследователи говорят даже о прогрессирующем угасании разума.

Ведь если довести указанную тенденцию до логического конца, то окажется, что и вообще объективная действительность способна фактически как бы раствориться во множестве ее субъективных картин. Объективных истин не существует, ибо каждый человек единственен в своем роде и всегда прав в рамках своей *собственной* картины мира. И опять мы приходим к мысли о непроницаемости действительности и, значит, о ее непознаваемости? Субъективные проекции объективной реальности могут быть сколь угодно интересны, однако устранение идеализированного образа реальности влечет за собой отрицательные последствия не только для науки, но и для культуры в целом. Размыается общее представление о действительности, возникают трудности с построением единой и непротиворечивой картины мира. Избыточный и неоправданный субъективизм – не столько творческого, сколько произвольного-деструктивного плана – становится доминирующей основой и содержанием художественной практики. Попытка преодолеть возникший кризис рациональности с помощью «новой рациональности» постмодернистов, породившей стаи (или стада?) «симулякров», которые из «ризом подсознания» провокационно угрожают массовыми символическими флешмобами устроить прессинг рациональности по всему культурному полю.

Прекратилась ли или может быть продолжена – уже как *направленная* – «человеком разумным» собственная эволюция? Претерпевает ли изменения сама человеческая природа в связи с изменением характера рациональности человека? Человечество как род, может быть, и не прекратится с угасанием разума, но это будет уже *другой* вид человека, и неизвестно, как, по какому признаку будет найдено ему имя. Не станет ли он именоваться не «человек разумный», а «человек разрушающий»? На взгляд знатока и популяризатора учения дзэн Д.Т. Судзуки, интеллект выполняет массу разных функций в нашей повседневной жизни, вплоть до разрушения гуманистических ценностей и стирания индивидуальности. Но, будучи полезным, он не решает глубинных вопросов жизни и смерти, а встречаясь с ними, обнаруживает свою ограниченность (Судзуки, 1990, с. 73). Действительно, рационализм в целом, как и интеллект, имеет и недостатки, и ограничения, однако в современной ситуации реальность такова, что борьба с рационализмом ока-

зыается борьбой с разумом. Оправдание иррационализма, его институционализация (посредством ли теоретических изысканий или же с помощью воздействия безмыслием массового искусства) разрушает в человеке сами навыки мышления, способность и привычку осмысленно относиться к окружающему, к жизни. Поэтому отказ от рационализма становится разрушением осмысленности бытия, которое в его реальной полноте может остаться непроницаемым, а само понятие *объективной* реальности может как бы раствориться во множестве самых разных и разно толкуемых (если не окажется разрушена сама эта возможность) субъективных реальностей. Особенно если мы учитываем, что современный человек в своей субъективной реальности может пребывать одновременно во множестве образующих ее ситуативных «подреальностей»: материальной, идеальной, виртуальной, трансцендентальной, имагинальной, виртуальной, даже психоделической, которую выделяют, например, С. Гроф, Т. Лири, и т.д. Поэтому для человека становится совершенно необходимо для сохранения его адекватности правильно соотносить эти реальности, грамотно судить о них и оценивать, чтобы соответственно строить свое поведение. Расширение понятия рациональности не есть отказ от нее, это приобретаемое на *ее основе* умение ориентироваться в усложняющемся мире. Так, наряду с традиционной «закрытой» (признанной) рациональностью, понимание которой опирается на определенные требования, когнитивные правила и установки, выделяется и рациональность «открытая», где становится возможна любая эвристичная деятельность мысли, осваивающей новые мыслительные пространства без оглядки на те или иные принятые методологии исследования. Подобная открытая рациональность не остается таковой навсегда, ибо ее содержание, будучи освоено, «переходит» на территорию закрытой рациональности, а открытая остается открытой для нового знания и для новых методологий. Таким образом, рациональность как таковая не исчерпала себя, она лишь ощущила тесноту тех традиционных рамок-парадигм, в которых пребывала долгое время. Посему приобретает популярность точка зрения, согласно которой человечество достигло такого уровня биологического и интеллектуального развития, когда оно само становится способно отвечать за собственную эволюцию. Для этого человек должен осознать как свои бескрайние возможности, так и объективные ограничения своей человеческой природы, а также свою ответственность за осуществ-

ление этих возможностей, их последствия для мира. Как утверждал в свое время Вл. Соловьев, в своем самоограничении человек отрекается не от своей личности, но от своего эгоизма. Или, как считает А.Г. Маслоу: «Человечество должно стать лучше, иначе оно окажется стертым с лица земли», поэтому «проблему создания хорошего человека можно с уверенностью назвать проблемой самоэволюции человека. Нам необходим такой человек, который был бы ответственен за себя и свое развитие...» (Маслоу, 1997, с. 32). Для этого, как мы понимаем, необходим сознательный человек, способный разумно и творчески выстраивать представление о мире и своем месте в нем, рационально выстраивать свою жизнь и свою деятельность.

И здесь можно добавить, заключая наше рассмотрение. Альтернативой этой возможности (скорее необходимости) может быть лишь такая: если человек не осознает своей собственной человеческой ответственности, если не сможет восстановить разумность или сформировать новую форму рациональности, утратит способность творить и развивать свой разум, не станет ли в этом случае неизбежностью выстраивание уже иной последовательной линии: *человек разумный – человек постразумный – человек постсоциальный – а потом и вовсе постчеловек?*

Список литературы

1. Башляр Г. О природе рационализма // Феномен человека: Антология. – М.: Высшая школа, 1993. – С. 96–107.
2. Башляр Г. Новый рационализм. – М.: Прогресс, 1987. – 376 с.
3. Генон Р. Традиционные формы и космические циклы: Кризис современного мира. – М.: Беловодье, 2004. – 302 с.
4. Декарт Р. Соч. в 2 т. – М.: Мысль, 1989. – Т. 1. – 654 с.
5. Зальцман Л.И. Можно ли считать разумность видовым признаком? // Современная картина мира: Формирование новой парадигмы. – М., 2001. – Вып. 2. – С. 182–200.
6. Ильин И. О грядущей России: Избранные статьи. – М.: Воениздат, 1993. – 368 с.
7. Лефевр В. Космический субъект. – М.: Ин-Кварт, 1996. – 179 с.
8. Липи Т. Семь языков Бога. – М.: Янус, 2002. – 224 с.
9. Маслоу А.Г. Дальние пределы человеческой психики. – СПб.: Евразия, 1997. – 430 с.
10. Судзуки Д.Т. Лекции по дзэн-буддизму. – М.: Ассоциация молодых ученых, 1990. – 112 с.